

Бип играет на скрипке. Ему самому очень нравится нежная, задумчивая мелодия. Бип весь поглотен ею. Но когда он протягивает свой старенький цилиндр слушателям, никто не бросает уличному музыканту ни франка. Шляпа пуста. Публике не нравится скрипка.

Наконец Бипу улыбнулось счастье. Ему удалось заработать. Правда, ему очень мешал шумный, беспеременный военный оркестр. Но он все-таки заработал деньги!

Радость недолгая. Чьи-то грубые руки отнимают у него заработанные гроши. Награжденный пинками, Бип растерян и беспомощен. Он не понимает, за что его обидели. Эти же безжалостные руки вырывают у него скрипку.

Теперь Бип бьет в литавры. Так же безжизненно и туго его лицо, как музыка военного марша. Главное—вовремя ударить. Главное—ударить в такт. Никому не нужны в этом мире скрипки. Главное—успеть вовремя ударить. Маленькая, растерянная, ошеломленная фигурка уходит все дальше и дальше. Одна единственная мысль сверлит мозг—главное, ударить в такт. Никому не нужны скрипки.

Эта одинокая фигура сразу же напоминает нам героя Чарльза Чаплина. С той же трагической безнадежностью идет он, согнувшийся, оскорбленный человек, по бесконечной дороге. И в душе несет свою надежду. Его обидели, но не разубедили. У него отняли самое прекрасное, то, что вызывало его

Каждая миниатюра Марсо занимает не более двух минут. Актер не использует для большей выразительности никаких предметов. Движения его настолько точны, что мы «видим» и хрупкие фарфоровые вазы, которые так бережно и неумело предлагает Бип-продавец, и высоко натянутый над землей

Миру нужны скрипки

улыбку. Но у него не смогли отнять веры в красоту и справедливость жизни. Как каждое доверчивое и искреннее существо, он будет искать в мире совершенство.

И еще один герой, знакомый нам по книгам детства, Акакий Акакиевич Башмачкин. Он не сумел сохранить свою веру. Она воплотилась для него в слишком скромный идеал. Настоящий скромный, что никто из окружающих не принял его всерьез. Нелепая случайность оборвала радость. Маленький человек не выдержал потерю. Он умер. Зачем жить в мире, где никто не понимает простых человеческих радостей. Эти три не веселые повести о маленьком человеке рассказаны нам тонкими психологами—французским мимом Марселем Марсо, американским киноактером Чаплином и русским писателем Гоголем.

Трагическая судьба мечтателя и чулака, для которого нет места в капиталистическом мире, всплыла перед нами сегодня в коротких, лаконичных этюдах Марселя Марсо. Мы почти забыли о том, что можно безнаказанно оскорбить человека, смертельно высмеять его чистые идеалы. Мы не помним того общества, в котором гибель человека так проста и нелепа. Мы привыкли к тому, что вокруг нас ходят гордые и сильные люди. Они умеют постоять не только за себя, но и за товарища. Они умеют добиваться справедливости и верить в нее. И вот французский актер поведал нам о судьбе Бипа, о судьбе тысяч маленьких людей, которым сегодня нет места в мире. Потому что мир этот еще живет по принципу: человек человеку—волк. Он рассказал нам эту историю на языке, понятном без переводов, доступном любому зрителю во всех частях света—на языке жестов, эмоций.

канат, на котором балансирует Бип—уличный акробат. Мы ощущаем и лестницу с бесконечным множеством ступенек, и гирлянду разноцветных шаров в руках немого старика, и глину в ладонях скульптора, и бабочку, которая трепещет и умирает на тонких пальцах озорника Бипа. Мы «видим» эти предметы потому, что невероятно выразительны и точны движения Марселя Марсо. Убедительны его руки, лицо. Никаких натуралистических подробностей. Только несколько характерных штрихов—и образ слепа, рассказана история с таким множеством подробностей, сколько умов в зале. Человек, обладающий фантазией, дорисовывает ее согласно своему складу, характеру, мировоззрению, умению чувствовать и понимать движения чужой души. А выводы у всех одни и те же. Их заставляет делать актер.

Бип увлекся ловлей бабочек. Он играет с ними, любит, как бытуют между цепкими пальцами хрупкие крылья. Мотылек в его руках. Его можно подразнить и отпустить. Но ему не по силам борьба с человеком. Несколько отчаянных взмахов крыльями, и короткое существование окончено. Бип недоумевает. Почему он погиб? Он вспоминает о другом, спрятанном в кармане. Достает и отпускает на волю. Но и эта бабочка гибнет. Невольно, даже такая безобидная, как игра, гибельна для всего живого. Бип больше не ловит бабочек. Он с радостью смотрит, как резвятся они под солнцем на ослепительной листве.

В городском саду старик—продавец детских воздушных шаров сгибается под тяжелой ношей. Он выбирает малышу самый лучший и красивый шар. Ниточка выскальзывает из детских ладоней. Сверкающее чудо исчезает в небе. Приложив ладонь к глазам, напряженно и серьезно следит старик за его полетом. Он рад тому, что самый прекрасный шар не лопнул, а умчался ввысь. Всю бы связку туда, в небо. И самому распрямить плечи, взглянуть ввысь. За доставленную радость получи, малыш, еще один шар, мой тебе подарок.

Каким путем добывается актер такой выразительности

ощущения? Его герой, немного мечтательный, заблудившийся в мире, где он все время наталкивается на непонимание и насмешку и, несмотря ни на что, сохраняющий радость жизни, освобожден от всякого поэтического приукрашивания. Он откровенен в своих эмоциях и современен. Он скуп и щедр одновременно.

Вот одна из самых коротких миниатюр. «Отрочество, зрелость, старость и смерть». Шагает человек по земле. Сначала это очень молодой человек, полный надежд и идеалов. Чуть спокойнее, сдержаннее становится его походка, строже лицо. Вот шаг тяжелеет, делается медленнее, руки вытягиваются и слабеют. Старее лицо. На нем четко означаются морщины горечи от несбывшихся надежд, утраченной веры. Но человек еще живет. Теплится в нем былая решимость. Теплится все слабее и, наконец, затухает. Зрителю видны не физические признаки возмужания, зрелости, старости. Ему понятно то, чем жил человек, к чему стремился и чего не нашел. Оттого сильнее ощущение смерти, страшнее уход «ни с чем» через жизнь, полную мечты и борьбы.

Пантомима—самое древнее из искусств. Оно положило начало нашему театру и танцу, а само подверглось вымиранию. А ведь искусство мимики беспрестанно переходит из обла-

сти поэзии в область фарса, от комедии к драме, от трагического к комическому. «Искусство молчания» может обходиться без музыки и декораций. Когда Марселя Марсо, так блестяще вернувшего пантомиму жизнь, спросили, почему он увлекся именно этим искусством, он ответил: «Потому что оно общечеловечно, ибо не знает языковых барьеров».

«Искусство мима,—говорит Марсель Марсо,—это не только искусство жеста. Оно выражает через действие самые сокровенные стремления. Мим не должен забывать о своем происхождении. Выросшее на народной почве, это искусство должно выражать самые глубокие чаяния народа... Искусство мима укрупняет поступки и страсти человека, делает их видимыми для зрителей и вызывает их эмоции. Эта эмоция рождает искусство».

Искусство мима не должно быть абстрактным. Нужно, чтобы это эстетическое воплощение было конкретным, чтобы композиция была доступной и чтобы лирическое звучание произведения было в то же время и социальным... Наблюдатель и свидетель своей эпохи, мим так же вечен, как время».

Эти слова Марселя Марсо с мастерством и тактом настоящего художника подтвердил своим искусством во время гастролей по Советскому Союзу.

Т. ОРЛОВА.